
Встречи – опыт – содружество

*Геннадий Ройтман,
оператор высшей категории,
г. Алматы, Казахстан.*

В апреле 1969 года я был безмерно счастлив: меня приняли на киностудию «Казахфильм» помощником ассистента оператора по производству хроникально-документальных фильмов! Учителями моими стали кинооператоры: Салим Шарипов, Виктор Осенников, Асхат Ашрапов, Марк Беркович и, конечно, мои друзья: Леонид Кузминский и Анатолий Мищенко. Не без их поддержки и участия я прошел путь от помощника ассистента оператора до оператора высшей категории.

В начале 70-х на кинохронике я познакомился с ассистентом оператора Стасом Платоновым. Оказалось, они вместе с Вячеславом Беляловым работали на картине режиссера Марклена Ибраева «Тигр снегов» о снежном барсе.

Стас рассказывал о том, как тяжело проходили съемки – на высоте более 3000 метров в местах естественного обитания хищника. Зрителю, который смотрит этот фильм, возможно, и в голову не придет, какие трудности преодолевала группа из нескольких человек. Кислородное голодание, громоздкая киноаппаратура, которую приходилось нести на себе, быть в промерзшей палатке, когда вода в котелке превращалась в лед. Находиться в условиях абсолютно некомфортных согласится не всякий.

Съемки документального или научно-популярного фильма на природе, где необходимо запечатлеть диких животных – это особая работа, в которой большая часть ответственности ложится на плечи оператора. Именно ему приходится лежать в снегу, мокнуть под дождем, часами выжидая нужный для съемки момент. Белялов сам записывал звук, придумывал особые методы подсветки, в общем, отвечал за многое. Вместе с научным консультантом отлавливали снежного барса. Зверь попал лапой в ловушку – металлическую петлю. Удалось снять общий, крупный и средний планы. Оператор стал свидетелем того, как животное пыталось перегрызть лапу, чтобы обрести свободу. Лучшее из того, что снял Белялов, вошло в фильм: прекрасные зимние пейзажи, заснеженные вершины.

На премьере фильма «Тигр снегов» я был потрясен кадрами со снежным барсом. Тогда же Платонов познакомил меня с Беляловым.

Позже Слава решил, что на картинах о животных он сам будет и оператором, и режиссером. Возможно, немалую роль сыграло и то, что за съемки научно-популярных фильмов операторы и режиссеры получали меньше, чем за съемки документальных. Причем надо отметить, что на трудоемкую съемку научно-популярных фильмов уходил почти год, поскольку ставилась цель – запечатлеть весь биологический цикл жизни животного.

А опыт режиссуры у Белялова был. Как любому документалисту ему приходилось снимать сюжеты для киножурналов «Новости дня» и «Советский Казахстан» без режиссера – самостоятельно.

У нас в республике не было отдельной студии научно-популярных фильмов, как в Москве, Ленинграде или Киеве, где оператора обеспечивали специальной кинотехникой. На киностудии «Казахфильм» цех документального кино был один для всех. Снимались как документальные, так и научно-популярные и заказные учебные ленты. На «Казахфильме» приоритетным считалось производство игрового кино. Лучшая киносьемочная аппаратура, лучшая оптика, подсобная операторская техника и осветительные приборы – все отдавалось на съемки художественных фильмов.

Фильмы Белялова часто были авторскими. Лариса Мухамедгалиева, жена Славы, имела специальное образование и работала на студии сценаристом документальных фильмов. Обычно их ленты начинались с титров: автор сценария Л.Мухамедгалиева, режиссеры Белялов, Мухамедгалиева, оператор Белялов.

Лариса также активно подключалась на этапе монтажа. Вячеславу было трудно отойти от снятого материала и очень больно расставаться с выигрышными планами, для этого нужен был беспристрастный отстраненный взгляд. С этой ролью отлично справлялась Мухамедгалиева. Конечно, были споры, бурные сцены, борьба за каждый кадр, за каждый эпизод фильма. Но их сотрудничество, по моему мнению, было только взаимовыгодным. Кроме того, совместно заработанные деньги позволяли решать как технические, так и творческие задачи.

На этом сознательно избранном пути было немало сложностей. Студия не обеспечивала нужной оптикой и звукозаписывающей аппаратурой. Оператор, посвятивший себя созданию фильмов о животных и природе, должен был позаботиться об этом сам. Он на собственные средства приобретал длиннофокусную оптику, специальные насадки, например, для макросъемки, конструировал и изготовлял другую операторскую технику. Придумывал и заказывал по своим чертежам скрадки, палатки, заготавливал спальники, приобретал автономную газовую плиту и закупал продукты питания. Накапливалась необходимая материальная база, накапливался опыт работы в этом жанре.

У Белялова не было конкурентов на нашей киностудии. Вячеслав и Лариса достигли всесоюзной, а позднее и мировой известности. Я видел почти все их фильмы: «Беркуты», «Джунгарский тритон», «Дом для серпоклюва», «Вечная зовущая природа», «Соленые слезы Турана», «Кудрявый пеликан и другие», «Бакланы», «Стрепет», «Гепард возвращается». Прекрасны работы – «Каракурт», «Фламинго», «Устюртский муфлон».

Отмечу игровой фильм «Гепард возвращается». Чтобы снять это уникальное животное в естественных условиях, добиться выразительных крупных планов опасного зверя и человека рядом с ним, Белялов и Мухамедгалиева специально приобрели детеныша гепарда. Они его кормили, растили, добились того, что он стал послушным, ручным, выполнял команды.

Но самое сильное впечатление оставляют «Беркуты». Покоряет мастерство оператора. Как искусно снято нежное ухаживание самки за птенцом, его кормление и, наконец, – первый самостоятельный полет молодого беркута! Это очень трепетная картина. Камера проникла в мир редкой хищной птицы.

Из года в год, наблюдая профессиональную работу Белялова, я понял, что такое кинооператор-постановщик! Тот, кто может взять на себя ответственность! Я знал многих операторов, которые так и не стали первыми в своей профессии, так и оставались всю жизнь вторыми операторами на подсъёмках.

Я восхищался мастерством Вячеслава и мечтал снимать фильмы о природе. Думал: только начну работать самостоятельно – мой первый фильм обязательно будет о животных. Слава предупреждал меня, говорил о трудностях, которые ожидают каждого, кто берется за это нелегкое дело. Я не верил и только, когда испытал на себе все тяготы, понял, о чем говорил мой коллега.

Для фильма «Страсти натуралиста» о Павле Мариковском нужно было снимать муравьев. И, конечно, – очень крупно! Но никак не удавалось добиться нужной глубины резкости, детали получались размытыми. Понадобился объектив для макросъёмки или насадочные кольца, которые крепятся на объектив. Только так можно увидеть очень мелкие детали! Я обратился к Славе за помощью и напомнил, какими резкими были в его фильме крупные планы каракурта. Он выручил, дал специальную насадку на объектив. До сих пор помню, как Вячеслав помог мне!

В 1977 году сбылась моя мечта: я приступил к первым самостоятельным съёмкам фильма! Опыт работы на картине «Скворцы прилетели» с режиссером Эльзой Дильмухамедовой оказался трудным. На игровых фильмах, где я был ассистентом оператора I-ой категории, на самостоятельных съёмках сюжетов для «Советского Казахстана» все получалось довольно хорошо. А тут выяснилось: нет необходимой длиннофокусной оптики, ее забрали на художественную картину. Кинокамера рвала пленку. Друзья-кинооператоры Кузминский и Мищенко помогли достать малогабаритный длиннофокусный зеркальный объектив МТО-1000.

Помню, самые первые кадры были неудачными. Постепенно все наладилось, появилась уверенность. Пейзажи получались все интересней: удавалось передать состояние природы и настроение. У меня появился свой почерк...

Фильм о скворцах снимался по заказу Гостелерадио СССР, отсюда такая обширная география съёмок – Алма-Ата, Джамбулская и Чимкентская области, Калининград, Куршская коса, орнитологическая научно-исследовательская станция в латышском селе Рауда. Познакомились с интересными учеными, увидели существенную разницу в деятельности орнитологов Прибалтики и Казахстана. Для наших – казахстанцев – главной задачей было кольцевание птиц. Выполняли они свою работу больше из профессионального энтузиазма, поскольку обеспеченность необходимым оборудованием оставляла желать

лучшего. В Чимкентской области снимали на перевале Чокпак, где наши орнитологи кольцевали пролетающих птиц. Впечатляющее зрелище – поля больших махровых красных тюльпанов. Потом поля засеяли пшеницей...

Латышские орнитологи вели ночные наблюдения за птицами, по силуэтам на фоне луны определяли виды птиц, исследовали, каким образом они ориентируются при перелетах. Кольцевание птиц сопровождало главной работе. А по технической оснащенности они значительно опережали казахстанцев.

Удивительное место – Куршская коса: леса из карликовой ели, укрепляющей песчаную почву. Липовые аллеи. Липа не наша, тонкая, стволы – в один обхват.

Эльза объясняла, каким она видит эпизод первого полета птенцов. Чтобы выполнить поставленную режиссером задачу, я просидел на крыше дома три недели, отлучаясь только по крайней надобности. Однажды в конце третьей недели я спустился с крыши и ушел на обед. Вернувшись на съемочную площадку, обнаружил, что птенцы покинули скворечник. Я был расстроен: упустил такой интересный эпизод – слетку птенцов!

Успокоил меня консультант фильма, Анатолий Ковшарь. Он сказал, что скворцы два раза в год высидывают яйца, и предложил продолжить съемки в Академгородке на проспекте аль-Фараби. Там для наблюдения за птицами были развешаны скворечники, задняя стенка которых специально выдвигалась. Мне удалось снять то, что по обыкновению скрыто от человеческого взора, и... ту самую долгожданную слетку. Все случилось до обидного быстро и обыденно: взрослые скворцы кричали, шумели, а птенцы за долю секунды пулей вылетели из птичьего домика. Целых два месяца я просидел напротив скворечника, а зрители вряд ли обратили внимание на эпизод, давшийся мне с таким трудом.

В 1978 году состоялась премьера фильма «Скворцы прилетели». Его отметили в газетах и журналах «Советский экран», «Новый фильм».

Кинооператор – профессия зависимая. Если вы хорошо сняли картину, то лучшей оценкой будет новое предложение режиссера продолжить сотрудничество. С Эльзой Дильмухамедовой мы сняли еще один фильм по заказу Гостелерадио СССР – «На острове Барсакельмес». На этом острове посреди Аральского моря обитают куланы, сайгаки и джейраны. С камерой, громоздким объективом, со штативом и рюкзаком под 30 килограммов, я прошел пешком Барсакельмес вдоль и поперек. Увидел Аральское море. По преданию, оно считалось самым синим в мире, но уже тогда начало мелеть. И в некоторых местах от прежнего берега до воды надо было пройти не менее километра.

Потом были «Острова белых птиц» – фильм про реликтовую чайку. Она обитает только в двух местах в мире: во Вьетнаме и в Казахстане, на озере Алаколь. У нас птицы гнездятся на островах, которые едва выглядывают из воды. Небольшая волна может смыть их гнездовья. Питаются чайки звонцами, похожими на комаров.

После многих экспедиций остались незабываемые впечатления.

В экспедиции в Черноморский заповедник под Одессой я впервые увидел Днепр. Его величина поразила меня, и я вспомнил Гоголя: «Редкая птица долетит до середины Днепра».

**Геннадий Ройтман (в центре) и Эльза Дильмухамедова.
Фото из архива Г.Ройтмана. 1979 год**

В экспедиции, связанной со съемками фильма «В дельте Или», я был удивлен видом прибалхашской пустыни. Посреди песков – село Караой. И как знак цивилизации – противочумная станция. Село замечательно тем, что через него протекают две речки. На одной из них стоит дугообразный мостик, построенный жителями. С высоты этого мостика удобно наблюдать за жизнью сельчан.

Когда снимаешь общий план села через реку с мостиком, открывается красивая панорама: белые домики с плоскими крышами и у каждого дома саксаульное дерево до двенадцати метров высотой. Достопримечательность Караоя. Стволы кривые, кроны раскидистые, как на японских гравюрах. Сакура – только не цветущая. Рядом с селом редкостной архитектуры мазары, виднеющиеся через кроны саксаульника. Сейчас, наверное, эти «леса» исчезли «благодаря» коммерческой деятельности человека.

И конечно, мое любимое место в Казахстане – это Мангышлак. Самое хорошее время для поездки туда – это середина августа и сентябрь, когда спадает жара. В бело-розовой от ракушечника долине – мавзолеем Бекет-ата. Черная змейка паломников, спускается к святыне. Когда я бываю в подземных мечетях Шакпак-ата, Сисем-ата, чувствую себя пылинкой в этом мире. Мангышлак, где находятся святыни, и Устюрт напоминают Израиль в северной его части.

И еще хотелось бы рассказать об опыте моего товарища, у которого я с готовностью учился мастерству.

Однажды, это было, быть может, в 1978 году, я зашел в отдел технического контроля лаборатории обработки пленки посмотреть свой материал. В зале показывали контрольную копию фильма, посвященного юбилею Л.И. Брежнева. Поначалу я довольно равнодушно скользил глазами по экрану, как вдруг меня поразили кадры, связанные с целинной деятельностью нашего генерального секретаря. Это был тот самый образ, поиски решения которого так мучили меня, – «море хлеба».

Я представлял, как это могло быть снято... Камера висит над пшеничным полем, очевидно, что съемка ведется с вертолета объективом с переменным фокусным расстоянием. От вращающихся винтов колышется хлебное поле, ветер то затихает, то усиливается и ...пошли, пошли, нарастая, волны. Вертолет медленно поднимается, объектив захватывает все большее пространство. Совпадение отъезда камеры и подъема летательного аппарата усиливает эмоциональное воздействие. Открывается панорама пшеничного поля без конца и без края, а вертолет летит над ним. Все это снято одним длинным планом!

Своими впечатлениями я поделился с Мищенко. Анатолий признался, что это его рук дело, и подробно объяснил, как ему удалось снять такой кадр. Чтобы избежать тряски, он бросил перед открытой дверью вертолета три матраса (вертолет особенно трясет и качает из-за вибрации и вращения винтов), надел пояс безопасности, закрепленный тросом за крюк в салоне. Лег с камерой на матрасы – и вертолетчик совершил контрольный облет поля.

Определив масштаб изображения, оператор попросил командира экипажа при зависании над полем покачивать вертолет. Так возник эффект нарастания и затихания порывов ветра: волны у земли меняли свой ритм. Волновалось море пшеницы.

Это был поразительный, уникальный опыт старшего товарища. До сих пор помню впечатление от этого эпизода. Теперь, рассказывая о нем студентам, объясняю, что такие кадры с вертолета или самолета снимаются преимущественно длинным планом. Я очень хотел снять нечто подобное, но до сих пор мне не пришлось воплотить это в жизнь.

Анатолий Васильевич рассказывал, что когда к нам приезжали иностранные гости, их обычно возили в целинные колхозы, с гордостью показывали размах посевных площадей. Он сам видел, как глаза их наполнялись слезами... За рубежом полей такого масштаба не было.

Я прекратил работу с Эльзой Дильмухамедовой, когда окончательно убедился, что очень трудно снимать научно-популярные фильмы о животных и о природе. Чтобы идти дальше, нужна техника, оптика, отвечающая современным требованиям. А дублировать Вячеслава Белялова в худшем варианте было негосте, и я стал снимать документальное кино, где героем является человек.

Появилась новая киноаппаратура, бесшумная видеокамера, которая записывает подлинный звук; оптику под руководством видеоинженера можно подобрать любую...

Время идет. Славы и Ларисы уже нет: природа забрала их навечно, но остался след их душ на земле – фильмы.